

как говорить г. Коноплянецъ, еще въ 1868 г. и предназначавшуюся для *Славянской Зари*, выходившей въ Вѣнѣ на русскомъ языкѣ. Статья „Грамотность и народность“ подписана тѣмъ же псевдонимомъ, какъ и печатаемая ниже: Н. Константиновъ. Тонъ обѣихъ статей по отношенію къ Григорьеву въ общемъ сходенъ. Приведемъ изъ статьи, напечатанной въ *Зарю*, два мѣста, въ которыхъ идетъ рѣчь объ Ап. Григорьевѣ.

„Придетъ время конечно, когда поймутъ, что мы должны гордиться имъ болѣе, чѣмъ Бѣлинскимъ, ибо если бы перевести Григорьева на одинъ изъ западныхъ языковъ и перевести Бѣлинскаго, то, безъ сомнѣнія, Григорьевъ иностранцамъ показался бы занимательнѣе, показался бы болѣе русскимъ, нежели Бѣлинскій, который былъ ничто иное, какъ высокоталантливый прилагатель европейскіихъ идей къ нашей литературѣ“ (*Заря*, № 11, стр. 197—198).

„Послѣднее слово Ап. Григорьева было *народность* и *своеобразие русской жизни*. Незадолго до смерти своей, въ маленькой газеткѣ *Якорь*, не имѣвшей успѣха, какъ и слѣдовало ожидать, по національной незрѣлости нашей публики, — онъ высказалъ мысль: „Все, что прекрасно въ книгѣ, прекрасно и въ жизни, и прекраснаго въ жизни не надо уничтожать“; въ частности онъ приложилъ эту мысль къ защитѣ юривидныхъ, столь поэтичныхъ въ точныхъ и реальныхъ описаніяхъ нашихъ романистовъ, — но имѣлъ въ виду развить ее шире“ (тамъ же, стр. 198).

Статья „Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ“ показательна болѣе для характеристики самого Леонтьева, нежели для Григорьева, но ясное пониманіе идей Григорьева и, какъ слѣдствіе этого, глубоко сочувственный тонъ, мѣткость иныхъ догадокъ и оригинальный подходъ къ темѣ ставить статью на одно изъ первыхъ мѣстъ въ біографической литературѣ объ этомъ писателѣ.

Внѣшній видъ рукописи слѣдующій: на почтовыхъ листахъ большого формата въ оставо, начало и конецъ писаны бѣглымъ и мало разборчивымъ почеркомъ Леонтьева; середина, очевидно, рукою переписчика. Мы печатаемъ статью съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, за исключеніемъ пунктуациі.

М. Г.

Не задолго до кончины Ап. Григорьева я познакомился съ нимъ. Имя его я знавалъ и прежде—въ первой моей молодости я читалъ его статьи въ *Москвитянинъ* и самъ тогда не зналъ, вѣрить ли ему или нѣтъ? Слогъ его я находилъ смутнымъ и страннымъ; требованія его казались мнѣ слишкомъ велики. По критической незрѣлости моей я тогда былъ поклонникомъ „Записокъ Охотника“ и мнѣ казалась возмутительной строгость, съ которой Григорьевъ относился къ первымъ произведеніямъ Тургенева. (Григорьевъ отнесся иначе къ болѣе зрѣлымъ произведеніямъ этого писателя и доказалъ этимъ свой критическій талантъ.) Однако многое и изъ тогдашнихъ его статей осталось у меня въ памяти, и сужденія не только о нашихъ, но объ А. де Мюссе и др. иностранныхъ писателяхъ, я и тогда это чувствовалъ, были исполнены глубины, изящества. Я чувствовалъ это и тогда и, отчасти благодаря моей собственной незрѣлости, отчасти благодаря ширинѣ духа самаго

Аполлона Григорьева, съ трудомъ вмѣщавшагося въ слово, я всетаки повторялъ: „Непонятно, чего хочетъ этотъ человѣкъ!“

Я не понималъ, напр., тогда ясно, почему Григорьевъ, отдавая справедливость дарованію Писемскаго, столь сильно предпочитаетъ ему Островскаго. И въ томъ, и въ другомъ я видѣлъ лишь комизмъ. Я не умѣлъ тогда понять, что Островскій болѣе *положительный* писатель, чѣмъ Писемскій, что положительность его особенно дорога своимъ реализмомъ, ибо положительность его изображеній была не въ *идеалѣ*, а въ тепломъ отношеніи къ русской дѣйствительности, въ любви поэта, съ которой онъ относился къ нашему полумужицкому купеческому быту, не смотря на его суровыя стороны и не скрывая ихъ...

Апол. Григорьевъ искалъ поэзін въ самой русской жизни, а не въ идеалѣ; его идеалъ былъ—богатая, широкая, горячая русская жизнь, если можно, развитая до крайнихъ своихъ предѣловъ и въ добродѣтеляхъ, и даже въ страстной порочности. Такъ я понимаю его теперь; быть можетъ, я и ошибаюсь—Вамъ, какъ ближайшему его другу, предстоитъ исправить мои ошибки.

А. Григор. стоялъ особнякомъ (Московскіе кружки Западниковъ и Славянофиловъ одинаково отталкивали его).

Разгульная ли жизнь Григорьева, чувственность ли, дышавшая въ статьяхъ его, не нравились строгимъ Славянофиламъ, извѣстнымъ чистотою своей семейной и личной жизни, но Григорьевъ близокъ съ ними не былъ.

Между Аксаковыми и Григорьевымъ была также разница, какая есть между тѣми *вполнѣ русскими* стихами Кольцова, гдѣ дышатъ нравственность и чистая вѣра, и тѣми тоже *вполнѣ русскими* стихами Кольцова, гдѣ дышатъ разгулъ, тоска по разгулу и чувственность.

Съ Славянофилами я лично не былъ знакомъ, за то изустные отзывы передовыхъ людей другаго рода о Григорьевѣ были мнѣ хоть урывками, но хорошо извѣстны. Я бывалъ тогда нерѣдко въ одномъ домѣ, гдѣ встрѣчалъ Кудрявцева, Грановскаго, Боткина, Тургенева и др.

Тургеневъ былъ всегда блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, капризно-остроумнымъ въ обществѣ, въ родѣ такъ хорошо изображеннаго имъ Горскаго („Гдѣ тонко, тамъ и рвется“).

Онъ любилъ небрежно и даже презрительно отзываться о своей собственной литературной дѣятельности; цѣнилъ высоко только Пушкина и Гоголя, а изъ современныхъ ему авторовъ отдавалъ справедливость всѣмъ, не восхищаясь ни однимъ. Строгость его къ другимъ выкупалась, какъ я сказалъ, строгостью его отзывомъ и о собственныхъ произведеніяхъ (тогда еще не были имъ написаны ни „Рудинъ“, ни „Дворянское гнѣздо“).

А. Григорьева онъ называлъ: „огромный складъ свѣдѣній и мыслей,

безъ всякаго регулятора“. Разъ онъ сказалъ при мнѣ: „Я ужасно люблю тѣхъ, которые меня бранятъ; Ап. Григорьевъ только исключеніе; онъ меня бранитъ—и я его непаваю“... Боюсь, что въ этомъ причудливомъ отзывѣ баловня судьбы и общественнаго вкуса крылось тайное сознание того, что изъ немногихъ порицателей его только одинъ Григорьевъ былъ правъ.

Что касается до перваго отзыва (т.-е. „Григорьевъ есть складъ мыслей и познаній безъ регулятора“), то я не слыхалъ его отъ самаго Тургенева: мнѣніе это передавалъ при мнѣ покойный профессоръ Кудрявцевъ.

Частная жизнь Григорьева и того круга, къ которому, какъ слышно было, онъ тогда принадлежалъ, жизнь, такъ сказать, неряшливо-разгульная, не нравилась и не могла нравиться тому обществу литераторовъ, въ которое я былъ вхожъ. Я по молодости подчинился тому, что слышалъ. Даровитые и ученые люди этого круга жили все готовыми, ясными, европейскими идеями и вкусами; за ними жили тѣмъ же самымъ и я; мнѣ, по крайнѣй мѣрѣ моей молодости, казались одинаково чуждыми и Славянофилы и Григорьевъ, съ своимъ неуловимымъ идеаломъ.

Прошло много лѣтъ; я долго жилъ, слава Богу, вдали отъ столицъ и отъ мелкаго обмѣна литературныхъ кружковъ; и пріѣхалъ въ Петербургъ, когда только что сталъ выходить журналъ *Время*. Я не стану объяснять здѣсь подробно, почему *Время* удовлетворило меня сразу болѣе, чѣмъ *Современникъ*, *Русскій Вѣстникъ* и *Отечеств. Записки*; я скажу только, почему *Время* было мнѣ тогда болѣе по сердцу, чѣмъ взгляды Московскихъ Славянофиловъ.

Подъ влияніемъ отвращенія, которое во мнѣ возбуждалъ *Современникъ*, я сталъ ближе всматриваться и въ окружающую меня русскую жизнь и въ тѣ проявленія ея, которыя я встрѣчалъ во время моихъ странствій; я начиналъ уже чувствовать въ душѣ моей зародыши Славянофильскихъ наклонностей, но не дозрѣлъ еще, не доросъ до отвращенія къ избитымъ и старымъ, какъ „Крыловскій червонецъ“, формамъ западной жизни.

Къ тому же многое рано прочтенное было дорого сердцу, и къ близкому, еще теплomu прошедшему можно отнести тогда лишь вовсе холодно, когда оно замѣнилось болѣе высокимъ, болѣе полнымъ идеаломъ. Московскіе Славянофилы имѣли этотъ идеаль; для нихъ онъ давно былъ ясенъ: русскій міръ и союзъ его съ Самодержавіемъ; Земская Дума совѣщательная съ полной свободой дѣйствія верховной власти; русская пѣсня и русскіе обычаи; горячая Вѣра въ Православіе—добро и прекрасное; и чистота семейныхъ правовъ, полная внутренней свободы, веселья и любви.

Для меня идеаль этотъ тогда не былъ еще ясенъ, и даже отношенія мои къ тому, что въ немъ мнѣ было ясно, не были еще теплы.

Я видѣлъ, что къ (*нрзб.*), Рудину и другимъ подобнымъ лицамъ, съ которыми протекла моя юность, Славянофилы относятся сухо и если не громить ихъ идеалы и ихъ образъ жизни такъ, какъ громить „нигилисты“, то это лишь оттого, что литературные приемы Славянофиловъ были вообще болѣе возвышенны, болѣе чисты и просты, чѣмъ приемы нигилистовъ, которыхъ силы были въ (*нрзб.*) и площадной двѣтностости.

Во *Времени* я встрѣчалъ именно то, что мнѣ хотѣлось; теплое отношеніе къ нашему недавнему прошедшему, къ нашему *европейскому* положимъ, но все-таки искреннему и плодотворному разочарованію. Другая черта, которая ко *Времени* влекла меня болѣе, чѣмъ къ Московскому Славянофильству была слѣдующая: *Время* смотрѣло на женскій вопросъ, собственно на его психическую, а не грубо-гражданскую сторону менѣе строго, чѣмъ смотрѣли Московскіе Славяне. Московскіе Славяне переносили собственную правственность на *пестрые* нравы нашего народа. Я сомнѣвался, правы ли они. Мнѣ казалось, народъ нашъ нравами не строгъ, и очерки Писемскаго („Питерщикъ“ и др.) казались мнѣ болѣе русскими, чѣмъ благочестивыя изображенія Григоровича. (Здѣсь не мѣсто объяснять, счелъ ли я себя и *Время* правыми вполнѣ или нѣтъ.)

Слѣдующія стихи А. Григорьева:

Русскій бытъ--

Увы! совсѣмъ не такъ глядять,
Хоть о семейности его
Славянофилы намъ твердятъ
Уже давно, но, виновать,
Я въ немъ не вижу ничего
Семейнаго... О старинѣ
Разказовъ много знаю я,
И память вѣрная моя
Тѣмъ пѣсень сохранила мнѣ
Однообразныхъ и простыхъ,
Но страшно грустныхъ... Слышець въ нихъ
То голось воли удалой,
Все злою долею женой,
Все подколодною змѣей
Оцутанныхъ, то плачь о томъ,
Что тускло зимнимъ вечеркомъ
Горитъ лучина, хоть не спать
Бѣдняжкѣ ночь, и друга ждать,
И тѣшить старую любовь,—

И т. д., и т. д. ¹⁾

Мнѣ казалось, вѣрнѣе специфировали Великорусса, чѣмъ „4 времени года“ Григоровича и др., тому подобныя вещи. Не отрицая явле-

¹⁾ Изъ поэмы Ан. А. Григорьева „Олимпій Радий“.

ній и такого рода, я говорю только, что не онѣ характерны для нашего крестьянства, для Великорусса, Казачества, для миллионѣвъ раскольниковъ нашихъ, *въ высшей степени Великорусскихъ*, особенно когда мы хотимъ сравнить ихъ съ благочестивыми и тяжелыми землепашцами Западной Европы.

Поэзія разгула и женолюбія, казалось мнѣ, не есть занесенная съ Запада поэзія, но живущая въ самыхъ нѣдрахъ народа.

И такъ эти двѣ черты: теплое отношеніе къ печальнымъ, но (*нрзб.*) ымъ идеаламъ 40-хъ годовъ, и меньшая строгость по женскому вопросу влекли меня болѣе ко *Времени*, чѣмъ къ Московскимъ Славянамъ, хотя я съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чтить ихъ.

Время не выяснило опредѣлительно своей задачи, Вы съ этимъ должны согласиться; главная вина *Времени* противъ публики (а еще болѣе противъ самаго себя) была та, что оно не выработало въ *собственно гражданскихъ отдѣлахъ своихъ ничего своеобразнаго*; если бы въ гражданскихъ отдѣлахъ своихъ оно по крайней мѣрѣ бы держалось явно Славянофильскаго идеала, то дѣла пошли бы лучше. Но оно, кромѣ простой демократіи, которая съ большей силой и ясностью проповѣдывалась въ *Современникѣ*, ничего не давало. Но въ этомъ не виноваты были ни Вы, ни Григорьевъ.

Въ другихъ отдѣлахъ *Время* было занимательно, но все-таки не ясно для большинства.

Лучшія статьи принадлежали Вамъ и Григорьеву, но выводы ихъ были все-таки не рѣзки. Я говорю не о себѣ; я, мнѣ казалось, понималъ Васъ и Григорьева и всю редакцію также.

Въ будущемъ мы желаемъ для Россіи жизни полной и широкой, но своеобразной до нельзя; передъ этимъ своеобразіемъ пусть поблѣднѣетъ и покажется ничтожнымъ наше полу-европейское недавнее прошедшее. Однако и къ этому недавнему прошедшему мы не можемъ относиться безъ теплоты. И въ немъ мы видимъ элементы, безъ которыхъ не можетъ обойтись богатая національная культура и жизнь; мы бы желали только, чтобы эти общіе элементы приняли бы болѣе нужныя формы.

Такъ ли я понималъ Васъ и Вашего друга? Если я ошибся, повторяю, поправьте меня.

И такъ, взгляды *Времени* были мнѣ по сердцу; но, не любя никакихъ литературныхъ сближеній, я не спѣшилъ знакомиться съ Григорьевымъ.

Наконецъ—любовь моя къ литературѣ взяла верхъ надъ моимъ отчужденіемъ отъ литераторовъ, и я, встрѣтивъ разъ Григорьева на Невскомъ, попросилъ шедшаго со мной одного его знакомаго ¹⁾ представить меня ему.

¹⁾ Перечерки.: Г. Вс. Крестовскаго. *Вл. Кн.*

Мы зашли въ Пассаждъ и довольно долго разговаривали тамъ. На сколько помнится, *Время* уже пало, и Григорьевъ издавалъ тогда *Якорь*.

Я былъ въ восторгѣ отъ смѣлости, съ которой онъ защищалъ юридичекихъ въ то положительное и практическое время и не скрывалъ отъ него свое удовольствіе.

Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Моя мысль теперь вотъ такая: *то, что прекрасно въ книгѣ, прекрасно и въ жизни; оно можетъ быть неудобно, но это другой вопросъ. Люди не должны жить для однихъ удобствъ, а для прекраснаго...*

— Если такъ, сказалъ я,—то вѣкъ Лудовика XIV со всеми его и мрачными и пышными сторонами въ своемъ родѣ прекраснѣе, чѣмъ жизнь не только Голландіи, но и современной Англіи? Если бы пришлось кстати, стали бы вы это печатать?...

— Конечно, отвѣчалъ онъ, такъ и надо писать теперь и печатать!¹⁾

Немного погодя, я встрѣтилъ Григорьева опять на Невскомъ.

Не помню, по какому поводу шелъ по улицѣ Крестный ходъ. Григорьевъ былъ печаленъ и молча глядѣлъ на толпу.

— Вы любите это? спросилъ я, движимый сочувствіемъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ Григорьевъ грустно, не то, что въ Москвѣ... Въ Москвѣ эти минуты народной жизни исполнены истинной поэзіи.

— Вамъ самимъ, прибавилъ я,—вовсе нейдетъ жить въ этомъ плоскомъ Петербургѣ; отчего вы бросили Москву?..

Григорьевъ отвѣчалъ, что обстоятельства сильнѣе вкусовъ...

Я былъ потомъ нѣсколько разъ у него. Жилище его было бѣдно и пусто...

Я сначала думалъ, что онъ живетъ *не одинъ*. Я зналъ прежде, что онъ женатъ, и разъ на Святой Недѣлѣ спросилъ у него: отчего у Васъ, Славянофила, не замѣтно въ домѣ ничего, что бы напоминало русскую Пасху?

— Гдѣ мнѣ, бездомному скитальцу, праздновать Пасху такъ, какъ ее празднуеть хорошіи семьянини? сказалъ Григорьевъ.

— Я думалъ—вы женаты, замѣтилъ я.

— Вы спросите, какъ я женатъ! воскликнулъ горько Аполлонъ.

Я замолчалъ и вспомнилъ о томъ, что слышалъ прежде о его семейной жизни. Я вспомнилъ, какъ говорили, что онъ и семейную жизнь свою поставилъ совсѣмъ *особо, по своему*; и понялъ, что избранный имъ смѣлый и странный путь породилъ по несчастію разрывъ и нѣчто еще худшее разрыва... Такъ слышалъ я; но *теперь* я не позволю себѣ высказать все это яснѣе и подробнѣе.

¹⁾ Перечеркн.: Г. Вс. Крестовскій можетъ засвидѣтельствовать, если память ему не измѣнила въ этомъ случаѣ, истину моихъ словъ.

Вскорѣ послѣ этого Ан. Григорьевъ пропалъ безъ вѣсти. Вы сами, помните, не знали, гдѣ онъ. Я долго искалъ его; нашелъ, наконецъ, его бѣдный номеръ въ (*нрзб.*) отъ домъ Фридерикса; но не засталъ его дома и мы уже больше не встрѣчались. Я уѣхалъ изъ Россіи; а Григорьева черезъ годъ не стало.

Вдали отъ отчизны я лучше вижу ее и выше цѣню. Не потому я ее цѣню выше, что дальше отъ ея золь, какъ подумаютъ иные, а потому, что больше понимаю, узнавши больше чужое. Страна, въ которой я теперь живу, особенно выгодна для того, чтобы постичь во всей ширинѣ историческое призваніе Россіи. И эта мысль одна изъ величайшихъ отрадь моихъ. Но иногда я съ ужасомъ вспоминаю о томъ, какъ вымираютъ прежніе люди на всѣхъ попрощахъ, и боюсь, что долго не кому будетъ замѣнить ихъ.

Чѣмъ знаменита, чѣмъ прекрасна нація? Не одними желѣзными дорогами и фабриками, не всемірно-удобными учрежденіями. Лучшее украшеніе націи—лица, богатая дарованіями и самобытностью. Лица даровитая и самобытныя не могутъ быть безъ дѣятельности (*нрзб.*); когда есть лица, есть и произведенія, есть дѣятельность всякаго рода. Ограничимся на этотъ разъ только литературнымъ попрощемъ въ самомъ пространномъ значеніи этого слова; хотя и на другихъ попрощахъ мы бы могли найти сходныя явленія и задать себѣ тотъ вопросъ, который тревожитъ иногда сердце. Какими оригинальными дарованіями, какимъ русскимъ творчествомъ замѣнять поколѣнія 70-хъ годовъ, когда исчезнетъ богатое духомъ поколѣніе 40-хъ годовъ? Когда-нибудь не станеть ни Островскаго, ни И. Аксакова, ни Каткова, ни другихъ современниковъ Ан. Григорьева, какъ не стало ни Граповскаго, ни Кудрявцева, ни К. Аксакова, ни Хомякова, ни Станкевича, ни Кольцова, ни Шевченки, ни Бѣлинскаго, какъ духовно не стало Тургенева послѣ „Отцовъ и дѣтей“. „Дымъ“ доказалъ, что самъ авторъ *духовно* столь ничтоженъ, какъ *Прагъ*. Какія національныя „образованія“ замѣнять ихъ? Многіе изъ этихъ людей 40-хъ годовъ (отцы Тургеневскіе) доказали, что они способны быть не только мыслящими Рудными, но и стать во главѣ практическихъ ученій, способны неусыпными трудами прокладывать свѣжіе пути, являться въ трудныя минуты съ духовной поддержкой колеблющемуся обществу. Кто замѣнить ихъ? Здѣсь дѣло не въ ученіи, а въ личности. Пространственная даль, въ которой я живу отъ Россіи, почти то же, что историческая даль прошедшаго. Каково бы ни было направленіе, лишь бы окончательная форма его была *своя*, *наша* и дышала бы силой!

Россія, дорогая Россія, неужели ты не дашь пышную эпоху міру, когда даже и то, что недоставало тебѣ прежде,—политическое движе-

ніе умовъ, иныче тебѣ дано, и сѣмена этой жизни неугасимы никакой временной усталостью? Неужели ты перейдешь прямо изъ безмолвія въ шумное и безличное царство массъ? Въ безличность не эпископскую, не въ царство массы бытовой-русской, а въ безличность и царство массы европейской, Петербургской, въ безличность торгашескую, физико-химическую и чиновничью?

Аполлонъ Григорьевъ былъ и самъ лицо, и всѣ сочиненія его дышали особенностью, и нѣсколько недосказанное направленіе его было, — исканіе прекраснаго въ русской жизни и русскомъ творчествѣ.

Ап. Григорьевъ хотѣлъ и старался дополнить во *Времени* и въ *Якорѣ* то, что, по его мнѣнію, недоставало строгимъ Славянофиламъ (которыхъ онъ высоко цѣнилъ) для всесторонней оцѣнки русской жизни.

Пока все еще трепетало передъ тѣмъ внезапнымъ порожденіемъ прежняго либерализма, которое уже и запоздалому пониманію европейцевъ теперь извѣстно подъ именемъ „нигилизма русскихъ“, — Григорьевъ продолжалъ служить прекрасному; не тому только прекрасному, что зовутъ „искусствомъ“ и что цвѣтетъ на жизни, какъ легкій цвѣтъ на крѣпкомъ деревѣ, но прекрасному самой жизни, прекрасному въ мірѣ политическихъ ученій, въ мірѣ борьбы. Идеаль Добролюбова и его друзей не могъ не быть ненавистенъ ему; но оттого, что соколы высиживаютъ куриныя яйца, соколъ не перестанетъ быть смѣлой и ловкой птицей, и Григорьевъ уважалъ Добролюбова, какъ лицо и дѣятеля. Но въ то же время онъ рѣшался защищать и юродивыхъ въ *Якорѣ* и, основательно утверждая: *что прекрасное въ книгѣ, прекрасно и въ жизни*, — указывалъ на задушевныя изображенія въ нашихъ повѣстяхъ этихъ лицъ, неподходящихъ подъ утилитарную классификацію.

Эта критическая всесторонность вредила Ап. Григорьеву; его не понимали; имя его никогда не было популярно; на многихъ грошевыхъ устахъ это имя возбуждало улыбку: иногда презрѣнія, иногда мудрой благосклонности къ бѣдному безумцу.

Иные въ его статьяхъ находили нѣчто тайно-растлѣнное; они были не совсѣмъ неправы. Для себя лично онъ предпочиталъ ширину духа — его чистотѣ. Въ статьяхъ его было вѣяніе, схожее съ той струей, которая пробѣгаетъ по сочнымъ и судорожнымъ сочиненіямъ Мишле. Но онъ не скрывалъ этаго ни отъ себя, ни отъ другихъ; не боялся подобнаго обвиненія. Онъ зналъ, что въ полной жизни прекрасно и полезно не одно только интензивное, строгое и чистое; онъ зналъ, что и въ мірѣ гражданскихъ ученій нужны не только политическій, нравственный и религіозный аскетизмъ, но и широкіе, критическіе взгляды, которые въ одно и тоже время и выше и ниже временно практическихъ настроеній. Ап. Григорьевъ становился къ своему времени въ положеніе историческое. Подобно тому, какъ хорошій современный французъ

равно дѣлать въ прошедшемъ и Боссюэта, и Мольера, и Рабле, и Кальвина, какъ англичанинъ одинаково считаетъ украшеніемъ англійской исторіи и Кавалеровъ, и Пуританъ,—такъ и Ап. Григорьевъ равно умѣлъ своей художественно-русской душой обращаться и къ Славизму и Православію, и къ притупившемуся у насъ (вѣроятно на время) философскому пониманію, и къ желѣзнымъ проявленіямъ матерьялизма, который, хотя по содержанію ни русскій, ни нѣмецкій, ни французскій, а всемірный, по котораго приемы—какъ бы грубы они не были—мы должны признать вполне русскими.

„Опъ самъ не знаетъ, чего хочетъ!“ говорили про Григорьева.

Одинъ молодой и умѣренный либераль, не совѣмъ дуракъ, но, конечно, и не умный, сказалъ мнѣ въ Петербургѣ: „охота Вамъ читать эту мертвечину—Ап. Григорьева!“

Я скоро послѣ этого пересталъ съ нимъ видѣться, такъ онъ мнѣ сталъ гадокъ своей казенной честностью, казенными убѣжденіями, казенной добротой, казеннымъ умомъ.

Не порокъ въ наше время страшень; страшна пошлость, безличность! Безличность бытовая, безличность, согнутая подъ ярко-національное ярмо—почтенна и плодоносна, но—безплодна и жалка наша общевропейская пошлость!

Чтобы было яснѣе понятіе этой общевропейской пошлости, я вспоминаю одну статью изъ-за границы, напечатанную лѣтъ 5—6 тому назадъ въ какой то газетѣ; статья эта была написана не слабо и вѣдалась мнѣ въ память; ея написала Евгенія Туръ. Г-жа Туръ назвала въ ней русскихъ „варварами“ за то, что они толкуютъ о Ст. Миллѣ и Бѣклѣ, не понимая ихъ. Незаслуженный комплиментъ! Къ несчастію именно эти заграничные путешественники нисколько не варвары, а вѣроятно люди пошлые! Пускай бы они были варварами, но такими, какими были Суворовъ, Потемкинъ и другіе „екатерининскіе орлы“, какими суть наши крестьяне, иные герои Островскаго и казаки Толстого. Нація больше выигрываетъ отъ подобныхъ варваровъ, чѣмъ отъ многихъ нашихъ европеистовъ и писателей. Кстати, желательнo было бы знать, какъ понимаетъ Милля и Бѣкля сама авторша этой маленькой громовой выходки? Называя другихъ варварами (не въ смыслѣ свѣжести, а въ смыслѣ глупости), надо было бы самой научить ихъ, какъ понимать этихъ двухъ свобододолюбцевъ—Бѣкля и Милля, вовсе не похожихъ другъ на друга. Отдаетъ ли себѣ ясный отчетъ Г-жа Туръ въ томъ, что, если бы человѣчество рѣшилось внимать только Бѣклю, который такъ серьезень въ приговорительномъ трудѣ и такъ мелокъ въ общемъ выводѣ,—то черезъ нѣсколько десятилѣтій не стало бы ни религіи, ни поэзіи, ни искусства, ни славы, ни природы; а если бы человѣчество поняло, что есть между строками у Милля и, главное, по-

слушалось бы своихъ догадокъ,—то оно вело бы войны, какъ ведетъ оно и теперь, но безъ лицемѣрныхъ оговорокъ, не спѣшило бы вездѣ вводить Парламентское устройство и строго запретило бы обрабатывать всѣ пустыни, не смотря на мирно-либеральныя увѣщанія, которыми задобриваетъ читателей этотъ, хотя и стѣсненный духомъ осмотрительнаго вѣка, но все таки смѣлый мыслитель? Ибо: 1)—войны развиваютъ индивидуальность, какъ націй, такъ и лицъ, онѣ прямо и косвенно подаютъ людямъ поводъ обнаруживать творческія силы; напр., одно Ватерлоо дало множество превосходныхъ страницъ искусству и! давно ли еще напечатано было удивительное произведеніе Эрмана-Шатриана „Waterloo“, отъ котораго и слезы готовы литься и волосы встаютъ дыбомъ у самаго закосялаго въ чтеніи человѣка! Ибо: 2) Парламентское устройство бесплотно само по себѣ возвыситъ обѣднѣвшую духовно націю. А эпохи, полныя жизни и творчества бывали велики и безъ свободныхъ учреждений: Германія Фридриха II, Маріи Терезин, Гёте, Канта и Бетховена была благороднѣе, прекраснѣе нынѣшней Швейцаріи или нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, знаменитыхъ своимъ самоуправленіемъ и своимъ мѣщанствомъ. Въ 3-хъ) ибо самъ Милль говоритъ, что не слѣдуетъ человѣку быть безпрестанно въ обществѣ, что съ обработкой всѣхъ пустынь, съ уничтоженіемъ дремучихъ лѣсовъ и дикихъ звѣрей пропадетъ всякая глубина человѣческаго духа (и гдѣ же говорить онъ это,—не въ книгѣ „О свободѣ“, но въ своей Политической Экономіи!)

Чтобы доказать другимъ, что они пошлы, надо было самой авторшѣ умудрить своихъ бѣдныхъ соотчичей. Что же касается до названія *варвары*, то это просто обмолвка;—это названіе слишкомъ лестно для людей, которые носятъ по желѣзнымъ дорогамъ Европы изъ гостиницы въ гостиницу. Вотъ Г. Щедринъ назвалъ ихъ гастро-половыми космополитами и въ награду его самаго можно назвать: „Варваръ съвера надменный!“ Русский варваръ могъ вдохновить Беранже, который написалъ „le coqsier de cosaque“: но кого вдохновять (не отрицательно) тѣ люди, которые оскверняютъ Невскій своимъ пасквильно-европейскимъ видомъ?

Отступленіе это не случайно. У Ап. Григорьева было именно то, что бы порадовало Милля и испугало Бёкля, еслибы они оба его знали: Милль увидалъ бы въ немъ индивидуальность человѣка и писателя, а Бёкль понялъ бы, что для него *чистый разумокъ* („разумъ“ у Бёкля) вовсе не былъ путеводной звѣздой. Лично я, къ несчастію, мало былъ знакомъ съ Григорьевымъ и біографическія подробности о немъ у меня почти все отрывочныя.

Мнѣ нравилась его наружность, его плотность, его добрые глаза, его красивый, горбатый носъ, покойныя, тяжелыя движенія, подъ которыми крылась страсть. Когда онъ шелъ по Невскому въ фуражкѣ,

въ длинномъ сюртукѣ, толстый, медленный, съ бородкой, когда онъ пилъ чай и, кивая головой, слушалъ, что ему говорили,—онъ былъ похожъ на хорошаго, умнаго купца, конечно русскаго, не то, чтобы на негоціанта въ очкахъ и стриженныхъ бакенбардахъ!

Одинъ изъ нашихъ писателей рассказывалъ мнѣ о своей первой встрѣчѣ съ Ап. Григорьевымъ, эта встрѣча, кажется, произошла уже давно. Писатель этотъ сидѣлъ въ одномъ домѣ, какъ вдругъ входитъ видный мужчина, остриженный въ кружокъ, въ русской одеждѣ, съ балалайкой или гитарой въ рукахъ; не говоря ни слова, садится и начинаетъ играть и, если не ошибаюсь, и пѣть. Потомъ уже хозяинъ дома представилъ ихъ другъ другу.

Когда я хочу знать біографію лица, мнѣ не достаточно отчета о его общественной дѣятельности,—я хочу знать все его слабости, все пороки, все домашнія дѣла, все его привычки, всю анекдотическую часть его жизни. Представляя себѣ Наполеона I-го, я думаю не только о Маренго, Аустерлицѣ, Бородинѣ и Пирамидахъ, объ административной энергіи его, объ его законодательствѣ и т. п. вещахъ, нѣтъ,—я интересуюсь тѣмъ, что онъ нюхалъ табакъ, что онъ носилъ сѣрый сюртукъ, что ему нравилась одно время Г-жа Рекамье, что въ Москвѣ онъ страдалъ геморроемъ мочеваго пузыря, что въ молодости онъ былъ хуже собой, чѣмъ въ зрѣлости и т. п.

Многіе читатели прощаютъ Руссо его колебанія; любятъ придворное тщеславіе Гёте, забавную аккуратность Канта, оргіи Байрона и Шеридана, грубости Петра I-го. Смѣсь пороковъ и благородства, смѣшныхъ привычекъ съ поразительными силами чувствъ и ума—сильнѣе дѣйствуетъ на всѣхъ, чѣмъ безупречная плоскость. Этотъ вкусъ читателей не есть, какъ обыкновенно думаютъ, праздное любопытство; не праздное любопытство также и страсть многихъ къ анекдотамъ про разныя странности, привычки и выходки извѣстныхъ людей. Въ этихъ вкусахъ, кромѣ естественной и похвальной любви къ увлекательному, есть какъ бы научное предчувствіе. Когда мы описываемъ растеніе, мы не говоримъ только о прикладной его части, объ аптечныхъ, фабричныхъ и кухонныхъ свойствахъ его; подробное описаніе этихъ свойствъ предоставляется особымъ отраслямъ науки;—для описательной же ботаники интересны, напр., въ шафранѣ не одни только лекарственныя красныя тычинки его, но и корень, и листья, и микрографія клѣточекъ, и красота лепестковъ; ботаникъ обязанъ не пропускать даже такихъ мелкихъ органовъ, или придатковъ, которыхъ польза для самаго растенія до сихъ поръ не постижима.

Къ несчастію, повторяю, я зналъ Григорьева очень мало; зналъ, напр., что онъ жилъ бѣдно и, кажется, очень безпорядочно; зналъ о

нѣкоторыхъ порокахъ и слабостяхъ его, какъ его иные звали лигера-турнымъ Любимомъ Торцовымъ. Но всего этого не достаточно. Я бы желалъ, чтобы друзья Ап. Григорьева, которые знали его хорошо, не стѣсняясь никакими обыкновенными приличіями, составили бы біографію этой страстной и мыслящей натуры *).

Бояться обнаруживать ошибки и темные проступки любимаго чело-вѣка, значитъ мало надѣяться на его достоинства и привлекательность.

Наконецъ и то сказать, половина читателей въ самой жизни пред-почитаютъ такихъ безпутныхъ людей, каковъ былъ, напр., А. де-Мюсе, людямъ обстоятельнымъ, въ родѣ Канта. А въ чтеніи и спора нѣтъ, что біографія послѣднихъ на столько же блѣднѣе и скучнѣе, насколько трактатъ о красильныхъ веществахъ скучнѣе и ниже книги Шлейдена „Растеніе и его жизнь“.

Нельзя не настаивать, чтобы у насъ писались хорошія, подробныя и откровенныя біографіи. У насъ до сихъ поръ нѣтъ ни одной ясной художественной біографіи такихъ лицъ, какъ императрица Екатерина 2-я, Потемкинъ, Кутузовъ, Лермонтовъ, Хомяковъ, и т. д. Всѣ свѣдѣнія отрывочны. Изъ существующихъ біографій—одни казенны, другія кратки и поверхностны. Свое прошедшее мы знаемъ мало; а намъ знать *свои*, хотя бы и поблекшія, начала нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь, въ виду гра-жданскихъ реформъ, въ сосѣдствѣ подавляющей культуры Запада и той внутренней работы душъ, которая недоступна политическому міру, но зато глубоко измѣняетъ на нашихъ глазахъ семейную и общественную жизнь нашу. Свое ближайшее прошедшее мы знаемъ мало; молодымъ людямъ, вырастающимъ теперь, не только XVIII вѣкъ, но и вся первая половина XIX будетъ скоро казаться смутной картиной безъ живыхъ лицъ и теплоты, изъ глубины которой будутъ до нихъ долетать только стоны рабовъ, топотъ взяточниковъ и команда генераловъ. Да возгор-дятся они своей прогрессивной и безтолковой безпорочностью.

А между тѣмъ не только рабы, не только генералы, но и самые взяточники были люди, и 1000 теплыхъ, или отрадныхъ подробностей ихъ жизни пропадаютъ для исторіи. Каковы бы они ни были, они были *русскіе*, а намъ нужно знать Россію не по однимъ официальнымъ и обли-чительнымъ крайностямъ. Намъ нужно знать, какія народныя начала хорошо бы выработать, намъ надо даже знать, какое зло терпѣть не-обходимо, чтобы быть *самимъ собой*, а не отсталыми и робкими лакеями Европейскихъ успѣховъ; чтобы отчизна наша все больше день ото дня занимала въ мірѣ то духовное положеніе, къ которому она пышностью

*) Къ несчастію, находясь далеко отъ Россіи, я не могъ достать статьи объ Ап. Григоревѣ, написанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. Аверкіевымъ. Быть мо-жетъ и нашлось бы тамъ отчасти то, чего я желаю.

своихъ составныхъ частей призвана, помимо всякой политической силы, давно уже доступной ей.

Я не говорю уже о крестьянахъ, о купцахъ, раскольникахъ, казакахъ, обо всемъ томъ, что носить на себѣ, слава Богу, еще долго неизгладимую русскую печать; я говорю о нашемъ помѣщичьемъ и чиновничьемъ обществѣ, которое, хотя и менѣе народно, чѣмъ народъ, но вполнѣ все таки и ни на одно иностранное общество не было похоже, и не похоже и теперь.

Положимъ, наше общество 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ было заражено космополитизмомъ до низости, положимъ, наши дамы говорили иногда: „какъ я могу интересоваться героемъ, котораго зовутъ Петръ Ивановичъ?“; положимъ, наши лихіе офицеры, которые какъ слѣдуетъ бились подъ Севастополемъ, слишкомъ ласкались къ европейцамъ при мирныхъ свиданіяхъ съ ними. Но развѣ этотъ неслыханный космополитизмъ не наша черта? развѣ не вызванъ онъ былъ особыми историческими условіями, не похожими ни на Французскія, ни на Греческія, ни на Турецкія, ни на Германскія условія? Дѣло не въ томъ, чтобы хвалить его, но чтобы изучить и понять, почему люди самые сильные, умы самые самостоятельные были такъ робки въ этомъ случаѣ. Почему до сихъ поръ еще этотъ космополитизмъ дѣлаетъ у насъ успѣхи? Развѣ это не любопытно и не поучительно? Положимъ еще, что, кромѣ неуѣтнаго космополитизма, есть еще другая общая черта у русскаго общества: это какая-то неопредѣленность, расплывчатость, недоконченность многихъ отдѣльныхъ явленій. Какое-то соединеніе сложности и блѣдности. Трудно сказать про наше общество то, что легко, безъ ошибки сказать о другихъ обществахъ: „семейное начало правильно и сильно въ Германіи и Англіи; въ Италіи свобода супружескихъ нравовъ доведена до нельзя“ и т. д. Можно ли сказать такъ рѣзко о нашемъ обществѣ? Конечно, вѣтъ! Съ одной стороны, семейная жизнь, домосѣдство, власть старшихъ, доходящая до деспотизма, съ другой—бродяжничество, цыганство со всеми его дурными и хорошими послѣдствіями, неслыханная, свирѣпая эмансипація дѣтей. Молодые люди, „дѣти“ нашего времени, вырастаютъ подъ самыми противоположными вліяніями; сынъ набожнаго купца становится нигилистомъ; вчерашній космополитъ и атеистъ—начинаетъ ходить въ церковь чаще, чѣмъ ходила его мать помѣщица. Одинъ братъ сочувствуетъ Полякамъ, другой—Муравьеву; Государство одѣваетъ войска въ кепи, а молодые люди заказываютъ себѣ поддевки и красныя рубашки; демагогъ, почитавши статьи Антоновича, поступаетъ на службу и знакомится съ людьми высшаго круга; богатый и знатный гордецъ понижаетъ тонъ. Электричество гражданскихъ учений пробѣгаетъ по обществу и цѣлой націи, которую реформы и фак-

тическая свобода слова застали въ сложномъ и блѣдномъ видѣ, завѣщанномъ намъ 40-ми годами. Краски начинаютъ выступать нѣсколько ярче, но все еще недостаточно. Ихъ надо сознать и оцѣнить во всей полнотѣ. А много ли мы знаемъ про себя? И если знаемъ кое-что, то давно ли? Гдѣ у насъ мемуары? Лѣтописцы недавняго и уже забываемаго прошедшаго? Гдѣ біографіи знаменитыхъ людей? Сколько оригинальныхъ русскихъ характеровъ угасло въ неизвѣстности! Многіе ли у насъ знаютъ Кавказъ, казаковъ, русское крестьянство, жизнь мусульманскихъ племенъ нашей отчизны? Кто знаетъ Финляндію, Сибирь? Давно ли открыли, что есть на свѣтѣ Бѣлоруссія? Гдѣ у насъ ясныя свѣдѣнія о придворной жизни прошлаго и запрошлаго царствованія? И это было бы полезно изучить безъ свѣтской исключительности и безъ скрежета плебейской зависти. Самыя подробности о великой борьбѣ 12-го года исчезаютъ на всѣхъ концахъ Россіи вмѣстѣ со стариками и старухами, которые и не подозрѣваютъ, какія сокровища уносятъ съ собою въ могилу. Въ виду подобнаго невѣжества нельзя не дорожить всякимъ біографическимъ отрывкомъ, всякимъ плохимъ подобіемъ записокъ и воспоминаній.

Нашимъ писателямъ вообще свойственна добросовѣстная объективность, любовь къ мелочамъ, крайне неумѣстная въ области искусства; для біографій же и воспоминаній она болѣе, чѣмъ полезна. Панаева обвиняли за его пристрастіе къ описанію позъ, ногтей, рубашекъ и т. п.; я съ этимъ не согласенъ; за неимѣніемъ лучшаго и его „Воспоминанія“ пригодны. И эта деревянная объективность въ нихъ менѣе возмутительна, чѣмъ въ „Хлыщахъ“ и т. п. искусственныхъ, ложно-творческихъ мерзостяхъ, гдѣ нѣтъ ни реальной, ни художественной правды.

Такіе грубые, неумные, жалкіе писатели повѣстей, какъ: Успенскій, Станицкій и др., которымъ имя „легионъ“, были бы очень почтенны, еслибы обратили свою поверхностную наблюдательность на службу современной исторіи,—вмѣсто того, чтобы осквернять міръ своимъ творчествомъ. Разумѣется, для нихъ (особенно для Станицкаго) это уже поздно, и уголь зрѣнія у многихъ изъ подобныхъ творцовъ болѣе современно-дидактическій, чѣмъ научно-вѣрный; но подъ словами Станицкій, Успенскій и т. п. я разумѣю нѣчто генерическое, ужасное въ искусствѣ, но достаточно способное для лѣтописи. Такіе умы всегда будутъ и, лишь бы дидактизмъ и разныя полезныя негодованія не сбивали ихъ съ пути, они могли бы изготовлять матеріалы для біографій, для исторіи общества и народа, предоставляя умамъ болѣе обширнымъ дѣлать выводы и давать направленія.

Когда издали посмотришь на богатство нашихъ началъ, то и писать объ нихъ какъ будто нѣтъ охоты. Кажется, всякій это видитъ и знаетъ,

всякій этому радуется. Однако на дѣлѣ немногіе это видятъ. Немногіе чувствуютъ, какую богатую жатву для всемірной исторіи готовить эта нація, въ которой варварство самое темное и чреватое будущимъ живеть рядомъ съ усталой утонченностью, съ глубокими познаніями, въ которой этнографическія и климатическія условія такъ разнохарактерны и въ которой разъединеніе сословіи оставило на долю слѣды своеобразныхъ путей развитія. Германія, Франція, Англія дали столько лицъ исторіи въ первой половинѣ нашего вѣка; всѣ эти лица оставили столько вліяній и плодовъ въ мірѣ полтики, въ мірѣ семейномъ, въ искусствѣ, философіи, промышленности, что почва ихъ породившая на долго кажется изнурена. Не гніенія надо за нихъ опасаться: гніеніе ужасно, но плодотворно! Имъ грозитъ скорѣе иной видъ омертвѣнія—окаменѣлость духа. Все, что въ нихъ есть еще замѣчательнаго, выработано прежде; молодое безлично и принуждено повторять зады въ разныхъ направленіяхъ. Близкое будущее есть только у Россіи и у Греко-Славянскаго міра, Турціи и Австріи.

И, не говоря даже о будущемъ, настоящее Россіи уже полнѣе и богаче содержаніемъ, чѣмъ настоящее трехъ путеводныхъ націй Запада; своеобразными характерами мы и теперь богаты; славныя лица стараго времени, подобно генералу Муравьеву, еще живы и пріобрѣтаютъ историческія имена; а молодое растетъ на почвѣ, богатой самыми противоположными началами. Лишь бы это молодое сѣумѣло понять свое призваніе! и не засыпало бы на готовыхъ либерально-европейскихъ рецептахъ. Я повторяю—*дѣло родитъ лица, а лица рождятъ дѣло*. Рѣзкія лица не могутъ долго оставаться при одной, бесплодной для общества, оригинальности; и даже едва ли возможна полная бесплодность оригинальности. Монахъ, удалившійся въ столбъ, продолжаетъ дѣйствовать на людей, возбуждая въ нихъ своимъ потрясающимъ и смиряющимъ примѣромъ религиозное чувство; какой-нибудь рѣзкій чудакъ не обойдется безъ вліянія, хоть на тѣсный кружокъ семьи и друзей, не говоря уже о томъ, что онъ украшаетъ жизнь самымъ фактомъ своего существованія.

Въ той гаммѣ индивидуальностей, которой и теперь уже не бѣдна Россія, Ан. Григорьевъ занималъ не послѣднее мѣсто. И друзья его, какъ я уже выше сказалъ, должны, не стѣняясь его недостатками и простунками (если таковыя были) познакомить насъ съ нимъ короче. Если ниня вещи не хотятъ печатать *теперь*, пусть запишутъ и сохранить. Сколько должно было быть страданій и высокаго блаженства, сколько переходовъ въ этой жизни!

Я не скажу—онъ умеръ рано; я думаю на срокъ нашей дѣятельности есть мѣра выше нашей. Быть можетъ, предоставленная ему Свыше

доля вліянія исполнится и расширится послѣ его смерти, благодаря тому, что привлечетъ вниманіе многихъ къ его имени и къ сочиненіямъ его, которыя необходимо издать отдѣльно. Не было ли того же съ Бѣлинскимъ? Многие ли знали его при жизни? Я хотѣлъ сказать о немъ, что думалъ, соображая духъ его статей съ тѣмъ, что замѣтилъ самъ въ 4—5 свиданій; я знаю—это очень бѣдно и недостойно его, но источниковъ у меня нѣтъ, а душа и безъ нихъ чувствуетъ общую истину его угасшаго бытія.

Мы часто ищемъ *русскихъ* лицъ. Вотъ вамъ одно изъ нихъ; онъ былъ похожъ не только на *русскаго*, и еще на *себя самаго*.

Примите, мил. г., увѣреніе и т. д.

Н. Константиновъ.

1869, Іюнь.

Царьградъ.